

Своими учителями он называет Чаплина, Марселя Марсо, Гито, немое кино. Входит в пятерку лучших клоунов мира и живет то здесь, то там — в Голландии, Италии, Великобритании. Сегодня — во Франции. Французы приняли его как своего, строят под Парижем центр клоунады, чтобы только «русский Колуш» не уезжал надолго. Гастролирует по всему миру и говорит, что карнавал умер, а ему удалось вывести формулу нового карнавала — и он собирается осуществить его в России. Третья Всемирная театральная Олимпиада в Москве — хороший повод для воплощения очередной грандиозной затеи Вячеслава Полунина...

— Как, на ваш взгляд, чувствует себя современная клоунада?

До шестидесятых годов клоунада была частью циркового пространства. Начиная с середины девятнадцатого века почти сто лет цирки оперировали одними и теми же средствами и языком и, естественно, зашли в тупик.

Хорошие клоуны — те, которые пытаются какие-то глубины вытащить, — почувствовали это и ушли из цирка. Многие на улице, как в самое искреннее пространство. Более прозорливые ушли в театр. Они поняли, что в театре они получают не только возможность эксперимента, но и все богатство традиций другого жанра. Потому с шестидесятых годов и наблюдается взлет театральной клоунады. Отсюда ее богатство выразительных средств, мощь в понимании мира.

К тому же шестидесятые годы — десятилетие революций, реванш движения хиппи — все это срезировало с идеей клоунады. 1968 год и поиск новой естественности создали плеяду новых кумиров. Интересно, что все современные лидеры мировой клоунады — практически одного года рождения — с 1948-го по 1951-й. Все они приедут к нам.

Я постарался привести панораму клоунов, которые в совокупности представляют двадцатый век. Клоун-анархист, клоун-экстремист, клоун-абсурдист, клоун-философ. С их помощью можно взглянуть на наш мир как будто сквозь разноцветные окна.

Болек Полива — клоун номер один в Чехии. Из его дома идут телевизионные передачи, транслирующие его застольную беседу с друзьями, — это всем интересно. Он придет со своим любимым спектаклем и сыграет его не больше двух раз. Как я ни уговаривал отработать три спектакля, он отказал; два он отработывает так, что к третьему может уже только ползать по сцене: такая сила отдачи. Его сценический персонаж — по-настоящему глубокий, с судьбой, с характером. Я многому у него научился, он сильно увязал клоунаду и драму. Мало того что это чисто славянский подход, Болек — настоящий чех, его корни — Доберро, Гашек. Шутливая независимость, попытка уйти от проблем через отстранение и оглушение себя — чисто чешская черта.

Фантастическая фигура — Лео Басси. Он родился в цирковой семье. Все мужчины в его семье были жонглерами. Лео и сам был один из трех четверых мировых лидеров по жонглированию. Для него десять предметов — вообще не вопрос. Однажды остановился, бросил все и исчез. Семья его искала-искала, нашла на улице. Выступал в подворотне: огонь глотал, на гвозди ложился. Ты же достиг всего, почему ты ушел? — спросила его семья. А ему стало неинтересно. Показалось, что все это неправда. Захотелось стихии, естественности.

Лео Басси сегодня — один из лучших мировых провокаторов. Выработал свою, очень точную стилистику, много импровизирует. Я люблю его за безумие и авантюризм. Публика двигается за ним, как завороченная. Лео ставит шоу из ничего и всегда имеет успех. Вдруг ни с того ни с сего начинает бе-

гать по улицам, орать, собирать окрестных собак и гонять с ними по улицам. Он нас затягивает в свое сумасшествие, и, опомнившись, мы не можем поверить, что все это было с нами.

— Видимо, это обязательная характеристика клоуна — наличие огромной энергетики, иначе как привлечь публику, заворочить ее?

— Эта энергия не обязательно яростная. Меланхолики могут часами смотреть на небо, и ты вместе с ними будешь часами. Пик из Швейцарии — самый большой поэт: можно сколько угодно смотреть за перемещениями обычных мыльных пузырей в его руках. Его состояние, его отношение к этому процессу — настоящая медитация.

Лучший абсурдист — Дешамп. Его представления — реализованный Хармс: разрушение, игра и жестокость. При чем сам Дешамп о Хармсе ничего никогда не слышал. Когда я пришел в парижскую мэрию просить денег на его приезд в Москву, они сказали: «Мы дадим вам денег, а вы уговорите Дешампа выступить в Париже». Они дали, я уговорил.

Мало кто верит в его приезд. Такие говорят: его не может купить даже «Театр де ла Виль». А они сюда не зарабатывают приезжают. Они ко мне едут. Им понравилась моя идея антологии клоунады двадцатого века.

— Кто клоун-философ?

— Называют меня, но... я не знаю. Меня долго интересовала поэтическая клоунада. Потом занялся трагикомедией, драмой, пришел к философии, а сейчас заскочил в какую-то область, граничащую с метафизикой и магией. Когда-то театр был единым организмом, в котором человек соприкасался с бесконечностью, мог ощутить себя частью мироздания. В какое-то время религиозный момент отсекали, оставили только эстетическую часть и сказали: «Это театр». Но театру нужно вернуть изначальную функцию магического кристалла, с помощью которого можно проникать в космос подсознательно. Я пытаюсь лишить его отрезанности, соединяю эстетику и магию. Простота и бесконечность вещей — вот к чему я стремлюсь в своих представлениях.

Я не смогу дать определения своим поискам. Я знаю, что занимаюсь чем-то таким, чем не занимается больше никто в клоунаде, — пытаюсь вернуться к ее истокам. Думаю, что каждый, кто выходит с моего спектакля, понимает, о чем я говорю, но выразить словами это очень сложно. Да и вряд ли нужно.

— Вы как-то сказали, что возрождение карнавала возможно именно в России.

— Карнавалов сейчас мало, они не очень выразительны, но страшно желанны. Идея провести карнавал в России пришла не оттого, что он здесь возможен, а потому, что он здесь нужен. Конечно,

быстро этого не сделать. Как интеллектуальные силы накапливаются столетиями, так и такие вещи враз не осуществляются. Нынешний парад — это не карнавал в чистом виде, это возможность увидеть традиции жанра — рядом с развеселой расхристанной толпой хотя бы ногой притопнуть, уже будет дело. Нужно время, чтобы вовлечься в эту историю.

В Венецию люди съезжаются со всего света, готовят целый год свое однодневное преображение. Надо в России это попробовать. Вот Петр попробовал, у него что-то получалось. Он устраивал замечательные карнавалы. Раз есть у нас такой мэр Лужков, настроенный на петровский лад, — отлично.

Ведь как развлечение карнавал неинтересен. Он интересен как возможность усомниться

тиноамериканская культура нашла действительно свою форму. Если карнавал и начнет свое возрождение, то оттуда.

Венеция — совсем мертвое место. Из-за чиновников, которые владеют сейчас этим карнавалом. Если бы на их место пришел интересный, заводной человек, этот карнавал мог бы очень быстро возродиться. Но пока... Мы пытались с Михаилом Шемякиным вернуть дух венецианскому карнавалу. Миша достал деньги у какой-то крупной фирмы типа «Фольксваген» — несколько миллионов, но эти деньги исчезли, совсем как в России.

У меня ощущение, что прошло время, когда может возникнуть новый тип карнавала. Почему? Карнавал держится, кроме своей философской основы, на каких-то простых эстетических моментах, главный из которых — преображенное пространство. Там, где все ходило по серому асфальту, вдруг

все альтернативистские подвохи позитивны по своей сути под знаком карнавала.

Бахус, дьявол и ангел

— Я разделил карнавалы на подвиды: черный, дьявольский, мексиканский объединяет в себе метафизику, жуть, наши страхи и бездны. Белый, венецианский несет нас к Богу, в романтику, нежность. Цветной, бразильский — праздник Бахуса. Все это нормально. Чей-то бог — Бахус, а чей-то — дьявол. Если сатанисты не боятся прикоснуться к чему-то жуткому, неизвестному, может быть, они — наши проводники туда? Не хочешь — не ходи с ними.

Карнавал уникален как раз способностью многое из того, что в обычной жизни считается отрицательным, делать положительным. Это особая форма очищения. Карнавал освобождает и разрешает. В его пространстве мы сбрасываем накопленную

вернуться только белой стороной.

— Видели ли вы последние спектакли Антона Адашинского?

— Не видел только последний, «Suicide in Progress». Перед «Суицидом» мы очень много работали вместе, думаю, что все, что мы с ним накопили, он там выложил. Я уже несколько раз провоцировал его на выход в новое пространство, он это понимает и любит. Я сам это люблю. С ним и с Мишей Шемякиным уже давно корпим над одним проектом, его многие знают как «Diablo». Некоторые объекты уже обкатали в Венеции — протаскали по городу огромный череп на колесах, Антон на нем сидел и на дудочке играл. Очень босховская история получилась. Думаю, скоро закончим.

— Что включают в себя ваши парижские сезоны?

— В ноябре я приехал в «Казино де Пари» и отработал десятидневный контракт. Долго к нему готовился и сильно боялся: французы совершенно непредсказуемы. Если ты выиграл в Париже, это ничего не значит, ты можешь провалиться во всех остальных местах, и наоборот. Неожиданно выиграл. Они влюбились в меня, был полный ажиотаж, и из-за этого я переселяюсь сейчас в Париж. Делаю сейчас свой международный клоунский центр под Парижем. Репетиционные залы и школьные общежития на нижних этажах, на верхнем этаже буду жить сам. Мой лондонский период закончился.

— В чем смысл «Корабля дураков», который спустят на воду под занавес Олимпиады?

— Брандт, автор «Корабля дураков», исследовал только сатирическую сторону этого образа. Корабль — многогранный красивый образ, замкнутое пространство, похожее на кухню, где мы любили поговорить. Пространство это летит на парусах. И мы, радостная ватага сумасшедших, собравшись вместе, отправляемся в Плуландию, прем неизвестно куда, поворачивая за ветрилами, и это главное — наслаждение чистым радостным существованием.

Вообще же дурацкую систему жизни в двух словах не

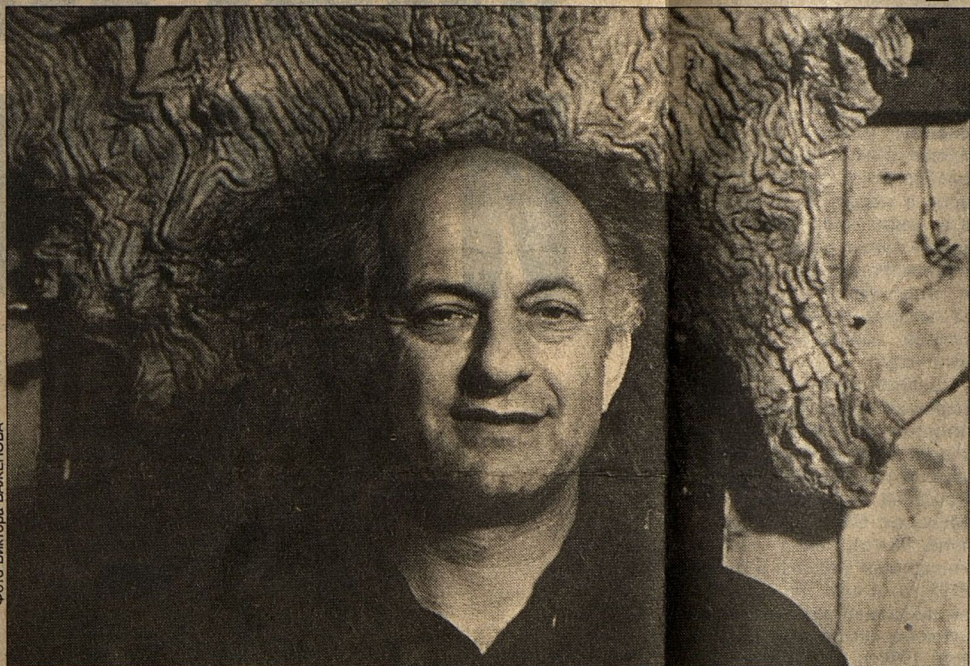

Фото Виктора БАЖЕНОВА

Вячеслав ПОЛУНИН:

ВЫПУСТИТЬ ВСЕХ ПТИЦ

Новая газ-2001-61008-023

ИЗ КЛЕТКИ СОЗНАНИЯ

(ПОХВАЛА ГЛУПОСТИ)

в правильности серьезных положений и понятий, которыми мы закрепощены. В момент карнавала человек может всех птиц, тающих в его подсознании, выпустить на свободу. Был ты умным, а сегодня побудь дураком. Был королем — побудь шутком. Делайте что хотите, пойте песни. Да мы стесняемся. А вы надените маски — не будете стесняться. Важно уметь переводить свое отношение к вещам — хотя бы раз в году.

— Исчерпали ли себя всемирно известные карнавалы — венецианский, бразильский, кельнский?

— Бразильский — суть его живая, а форма мертвая, голливудская. То, что идет по центральной улице, — это мертвое. В подворотнях и забегаловках — там живет настоящий карнавал. Его ничем нельзя убить, успокоить. Вообще, в Латинской Америке есть много живых карнавалов. Самба, ритм, преображение — они в крови этих наций, но нужно найти им новую форму, не такую американизированную.

Есть такой остров — Тринидад и Тобаго, и это единственное место в мире, где ла-

летит конфетти, воздвигаются трибуны, подиумы, все прыгает-бегают. Жизнь преображается, надевает праздничные наряды.

Современные художники так много сделали сейчас в этом направлении, такое количество перформансов, акций, инсталляций выдумано, сформировалась огромная масса идей, которая рванет в любой момент, если ее правильно не направить. А направить — возникнет новая художественная среда, с новым языком. Она-то и станет новым карнавалом.

Свою формулу я уже проверил в Питере на трех сотнях человек. Никто не мог понять, почему все эти декорданты, альтернативщики, депрессионисты не в состоянии между собой договориться, а они же все время настаивали на противостоянии, на противопоставлении своих «минусов» друг другу. А их минусы, просто сложенные в карнавал, становятся праздником жизни. В слова это пока облекается с трудом, да и я не литератор, но я дико поразился, увидев, насколько

в нас жестокость, и тогда она не приходит в нашу жизнь.

Невозможность воспроизведения многих желаний в социальной жизни европейца чрезвычайно критична. Цивилизация отринула множество природных вещей, связанных с сущностью человека, и не дает возможности их регуляции.

— Будет ли на Олимпиаде ваш спектакль?

— Сначала я готовил три — по одному на каждый вид карнавала. Но потом подумал, что если запущу их, сам ничего не увижу. У меня так же, как у всех, слюнки текут от предвкушения того, что здесь будет. Знаючи тратили годы на мотание по миру, от страны к стране, на поиски встреч со всеми этими клоунами и труппами, которые окажутся здесь в одном месте, в одно время. Это такое невозможно пиршество, что я дам только один спектакль в «Белой» программе, «Сноу шоу». Я хотел еще «Катастрофу» привезти, метафизический такой кошмар, ее очень любят в Европе, но пока решил по-

опишешь. В жизни же нет ничего по-настоящему умного или по-настоящему глупого. И чаще всего самое глупое — это самое умное, а самое умное — самое глупое. Трагикомедия — это образ жизни. Все вещи только совместно становятся сильными, и попытка устранить какую-то одну половину ухудшает идею бытия. От половинчатости получаются какие-то куцые люди, которые неизвестно зачем на одной ноге ходят и изображают из себя гармоничное существо.

Дураки — я специально провоцирую на это слово — считают, что мир очень накрепко в сторону ума. Это большая беда. Я выдвигаю идею, обратную общепринятой, — глупость очень нужна. Антирациональные миры подвержены каким-то очень правильным вещам. Дурак — он что-то очень важное знает. Мы думаем, что он — дурак, а он голову поднял, солнце увидел — весна пришла. А тот, который умный, сел в машину, уехал и ничего не увидел. Вот кто из них умный, если по-хорошему?